

ОТ БУКВЫ К СЛОВАРЮ

Сборник научных статей

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА

Я. К. ГРОТА

Иноязычные вкрапления в русской публицистике 30–40-х гг. XIX века¹

XIX век — это время значительных преобразований литературного русского языка, период становления его норм, быстрого пополнения словарного состава, во многом обусловленного широким использованием иноязычной лексики и увеличением притока заимствований в этот период. Я. К. Грот отмечал, что «велико число иностранных слов, обращающихся в русской речи», что они «весьма различного свойства и достоинства, связь их с языком в различной степени крепка и прочна. В запасе почерпаемых им извне элементов происходит непрерывное движение» [Грот: 355]. Это движение иностранных слов явным образом отражается в газетной публицистике — в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Северной пчеле» в 30–40-е гг. XIX в.

Одной из характерных черт газетных текстов этого времени является использование в них иноязычных вкраплений — слов и выражений из иностранных языков, включенных в русскую речь. В лингвистической литературе данный термин трактуется неоднозначно, вследствие чего к иноязычным вкраплениям относят различные группы лексики, представляющие целый ряд разнородных языковых явлений: имена собственные (антропонимы, топонимы, названия кораблей, газет и журналов, названия произведений литературы и искусства и др.); терминологическая лексика; окказиональные иноязычные вкрапления; узуальные иноязычные вкрапления, или графические заимствования [Маринова: 63]; иноязычные вкрапления-фразеологизмы, входящие в международный фразеологический фонд.

Имена собственные в современных исследованиях рассматриваются в одном ряду с апеллятивами. Однако имена собственные обладают особыми функциональными свойствами, на что указывает, в частности, Д. И. Ермолович: «Поскольку они закрепляются за предметом в индивидуальном порядке, то должны в принципе служить для обозначения этого предмета не только в какой-то одной языковой среде, но и в других языковых и культурных средах. Другими словами, имя собственное не должно (в принципе) заменяться на какое-то другое обозначение, когда о его носителе говорят или пишут на другом языке. Следовательно, имя собственное — это объект межкультурного и межкультурного заимствования» [Ермолович: 14]. Стремление к точной идентификации, по-видимому, и определило практику прямого переноса иноязычных имен собственных, принятую в русских газетах середины XIX в. Ср.: Газетные и журнальные источники

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-04-00056а «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.»».

(англ., фр., ит., нем., голл., швейц.): *Morning-Chronicle*, *Times*, *La Presse*, *Gazetta Piemontese*, *Augsburger Allgemeine Zeitung*, *Handelsblad*, *Staats Courant*, *Gazette fédérale*. Личные имена: администратор банка Томас Гейрдалль (*Heyerdahl*), граф Сель (*Celles*), инженер-воздухоплаватель (*ingénieur-aéronaute*) Г. Дюпюи-Делькур (*Dupuis-Lelcours*). Географические названия: *Iles d'Hyères* (Йерские острова, 19 в. — Герские острова). Названия кораблей: корветта *Diligente*, судно *Briten*, пароход «*Lord of the Isles*», бриг *Savage*, линейный корабль *Сюффрен*. Названия произведений искусства (книг, спектаклей, балетов и др.): *Ni jamais, ni toujours*. (роман Поль де Кока), *Bel raggio lusinghier* (ария Семирамиды из оперы Россини).

Разнообразие и большое число употребляемых иноязычных слов требует выявления формальных критериев, позволяющих отнести то или иное слово к соответствующей терминологической группе. К иноязычным вкраплениям могут быть отнесены слова из иностранных языков, использованные в русском тексте и непонятные большей части читателей. На принадлежность слова к иноязычным вкраплениям могут указывать следующие признаки.

1. Использование преимущественно в письменной речи, особенно характерно употребление в публицистике.

2. Употребление в графике языка-источника, параллельно в русской и иноязычной графике, передача слов из восточных языков через латиницу или кириллицу. Например:

Один из них <человек> был вооружен винтовкою (обыкновенное оружие у *massaro* или Кампанейских пастухов (СПВ. 1847. №248. С. 3); Мигель Сервантес говорит в своей истории Ринконеты и Картадилы, что в его время *тальяда* (*tagliada*, удар кинжалом) стоила в Севилье, пятьдесят червонных, по нашему курсу больше ста (СП. 1845. №236. С. 4); Только банкиры (*sarafs*) могут избавляться от этих распоряжений, поднося подарки пашам, своим покровителям (Заметки Ричара Кобдена о Турции // СП. 1847. №219. С. 2).

3. Значение слова поясняется или прямо в тексте, или в скобках, или в сносках. При переводе исходное слово приводится в тексте для соотнесения с русским переводным вариантом. (См. примеры выше.)

4. Иноязычное слово употребляется в русском тексте в каком-либо одном значении, часто являясь экзотизмом.

5. Нередко дается ссылка на язык-источник непосредственно в тексте. Например:

Нравоучение, или как говорят Французы, *moralité* пьесы Г-на Ободовского состоит в том, что Графиня, проклявшая сына своего за то, что он женился на дочери дворецкого, благославляет внука своего жениться на дочери этого же сына (СП. 1844. №267. С. 1); Но эссенция всех возможных фанфаронств сливается в существе, называемом по-Английски **фашонебль** (*fashionable*), который, по роду своей жизни и по своим занятиям, не принадлежит ни к какому званию, ни к какому известному словию, и составляет существо особое, отдельное (*un être isolé*), ибо поступивший в фашонебли не есть уже звено в цепи светской иерархии, а между тем не есть также и член какого нибудь особого сословия: это

создание есть плод нашего времени, плод кислый и неароматический (СП. 1833. №19. С. 3).

6. Иноязычное вкрапление не является фактом системы русского языка, а употребляется в основном окказионально. В ряде случаев иноязычное вкрапление начинает употребляться регулярно, знаменуя первый этап заимствования нового слова.

В газетных материалах 30–40-х гг. XIX в. встречается огромное число окказиональных иноязычных вкраплений. Это может быть связано с желанием переводчика как можно точнее передать информацию в статьях, посвященных политике и экономике, или его стремлением отразить местные особенности, колорит в материалах о культурной жизни других народов и стран. Например, в статье «Учреждение и состав парламента и палат в Англии и во Франции» насчитывается 30 иноязычных слов, в том числе: отделение — bureaux, Канцлер — le Chancelier, Вице-Президент — Vice-Président, Великий Референдарий — le Grand Référéndaire, докладчик — rapporteur, секретная баллотировка посредством белых и черных шаров — le scrutin secret, Приставы Палаты — Huissiers (СПВ. 1847. №64. С. 2). В фельетоне о сборе винограда в Швейцарии употребляется около десяти иноязычных слов и словосочетаний:

*Сотнями стекаются из Берна, невинного кантона, уборщицы, **ven-dangeuses**, в своих красивых, опрятных, живописных костюмах* (СПВ. 1847. №269. С. 1).

Одним из примеров иноязычного вкрапления, позже стремительно вошедшего в русский язык, может стать слово *грипп*.

*Напрасно некоторые утверждают, что есть новые болезни; их нет: оные или уже появлялись прежде сего, или только подвергались переменам во времени. К сему последнему классу болезней принадлежит ныне свирепствующая катарральная эпидемия, которую Немцы называют Русским катаром, Французы, *la grippe*, а Врачи вообще инфлюэнцею (от слова *Influentia*, влияние) (СП. 1833. №23. С. 2).*

Как видно из вышеприведенной цитаты, в России в начале XIX века употреблялось слово *инфлюэнца* (*инфлюенца, инфлуэнца*), которое не вышло из языка и позже. В различных словарях до конца XIX века сохранились взаимные отсылки у слов *инфлюэнца* и *грипп*. Однако уже начиная с конца 1830-х гг. *грипп* становится широкоупотребительным словом и фиксируется в словаре В. И. Даля. Интерес представляет цитата из романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

*Анна Павловна кашляла несколько дней, у нее был *грипп*, как она говорила (*грипп* был тогда новое слово, употреблявшееся только редкими) (Л. Н. Толстой. Война и мир).*

По-видимому, трудно однозначно решить, действительно ли в начале XIX в. под влиянием французского языка слово *грипп* уже было в ходу у некоторых представителей светского общества или все-таки данная цитата является в романе анахронизмом.

Быстрая замена одного слова на другое могла быть обусловлена простой и удобной внешней формой слова *грипп* по сравнению с явно иноязычным итальянским словом *инфлюэнца*, которое к середине века до конца еще не адаптировалось и существовало в нескольких вариантах.

Иностранное слово в виде иноязычного вкрапления могло передавать в газетном тексте новое понятие, неизвестную ранее реалию. Например:

В продолжение первых трех входов, мелкие блюда () остаются на столе. Hors d'oeuvres обыкновенно ходят по рукам вокруг стола: если дойдут до вас, то пусть твердо останоятся, как столпы Геркулесовы (Уложение хорошего вкуса — на пиршествах. СП. 1833. №11. С. 3.).*

В сноске (*) внизу страницы пояснялось значение незнакомого слова: «Hors d'oeuvres, т. е. масло, сыр, анчоусы, икра и т. п.», то, что в современном русском языке мы называем *закусками*. В «Словаре русского языка XVIII в.» слово *закуска* зафиксировано со значением «еда для заедания выпитого» и «сладкие блюда, варенные в сахаре фрукты» [СлXVIII, 7: 262]. Со второй половины XIX в. французскому слову *hors d'oeuvres* стало соответствовать новое значение слова *закуска* — «кушанья, употребляемые перед обедом или ужином для возбуждения аппетита». Новое значение прекрасно иллюстрируется поваренной книгой Елены Молоховец:

У дверей столовой или в смежной комнате, смотря по помещению, накрывается отдельный стол для закуски. По краям накрытого скатертью круглого стола.. расставляются небольшие тарелочки с различными закусками, нарезанными ломтиками, как-то: сыр, сиг, сёмга, ветчина, солонина, жареная дичь, колбаса, а также омары, икра, тёртый зелёный сыр, тёртая солонина, селедка, кусочками нарезанная и приправленная горчицей подливкой, и т. д. (Елена Молоховец. Подарок молодым хозяйкам, или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве / Сервировка стола и блюд. 1875–1900.)

Основной причиной использования иноязычных вкраплений в русских газетах была переводная деятельность журналистов. Редким случаем индивидуального билингвизма, отраженного в газетном тексте, стало употребление адыгейского слова *белат*.

В 1825 году в «Северной пчеле» были напечатаны «Отрывки о Кавказе» («Из походных Записок») под псевдонимом А. Я. М. К. Азадовский в своем исследовании «Затерянные и утраченные произведения декабристов» справедливо доказал принадлежность записок перу Александра Ивановича Якубовича, отважного участника Кавказской войны, прекрасно знавшего быт и традиции адыгейцев. Языковым подтверждением этого факта могут служить наблюдения над употреблением слова *белат*. В «Северной пчеле» в упомянутом очерке *белат* употребляется несколько раз, первое употребление сопровождается пояснительной сноской — *вожатый*. (т. е. предводитель отряда горцев).

Расторопность и сметливость Белата неимоверны: в самую темную ночь, когда небо покрыто облаками, партия редко удаляется от направления (СП. 1825. №138. С. 3). Впереди едет белат (вожатый), несколько человек по бокам, остальная партия дробится на небольшие кучи и едет произвольно; вожатый суетится, — то скачет вперед, прикинув к седлу или поднявшись на стремена, то из-за кургана окидывает окрестности привычным глазом; вдруг палец приложит ко рту, — и вся партия останавливается; укажет на землю, — и все спешат долой с коней, махнет к себе, — и вихрем скачут, не смея перевести дыхания: так много Горцы доверяют своему белату, которому успех дает две доли добычи, знамени-

тость и доверенность, неудача — позор, а часто и самую смерть (СП. 1825. №138. С. 3).

Отрывок из очерков был позже использован в Энциклопедическом Лексиконе Плюшара в словарной статье *Адыге* с ссылкой на «рассказ одного очевидца, Русского офицера» [Энцикл. лекс., 1: 207]. Третий раз слово *белат* встречается в наброске письма А. И. Якубовича к А. А. Бестужеву-Марлинскому, где он вспоминает о кавказском периоде своей жизни и упоминает «подвиги Нурмамед-белата» [Азадовский: 275]. Приведенные примеры остались единственными случаями использования слова *белат*, не вышедшего за рамки индивидуального окказионального употребления.

Таким образом, изучение иноязычных вкраплений в газетных текстах 30–40-х гг. XIX в. показывает, что этот пласт лексики обширен, разнообразен по своему составу, позволяет проследить истоки и причины пополнения словарного состава русского языка через заимствование. Исследование иноязычных вкраплений является важной составной частью историко-лексикологического описания русского языка XIX века.

Литература

- Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Литературное наследство. Т. 59, кн. 1. М., 1954.
- Грот Я. К. Филологические разыскания Я. Грота. Второе, значительно пополненное издание. Т. II. СПб., 1876.
- Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001.
- Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.
- Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19. Л. / СПб., 1984–2011. – СлXVIII
- Энциклопедический лексикон. Изд. А. Плюшара. Т. 1–17. СПб., 1835–1841. – Энцикл. лекс.

Сокращения

СП – Северная пчела;

СПВ – Санкт-петербургские ведомости.